

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРИГРАНИЧНЫХ И РЕИНТЕГРИРУЕМЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

Сапрыка М.В., Москва (Россия)

Аннотация. В статье анализируется роль социально-технологического обеспечения культурных проектов в укреплении социокультурной безопасности приграничных и реинтегрируемых регионов России. На основе концепции социально-технологического обеспечения, включающей организационно-управленческие, коммуникационные, технологические и ресурсные параметры, и эмпирических данных о распределении грантов Президентского фонда культурных инициатив (ПФКИ) по итогам двух конкурсов 2024 года выявлена высокая концентрация ресурсных и управленческих компетенций в Москве (~52,6% всех грантов). Показано, что это создаёт эффект «культурного донорства»: регионы получают готовые мероприятия, но не развивают собственные компетенции, необходимые для долгосрочного обеспечения безопасности. Предложены меры по выравниванию диспропорций.

Ключевые слова: социокультурная безопасность, приграничные регионы, реинтегрируемые территории, социально-технологическое обеспечение, культурные проекты, Президентский фонд культурных инициатив

Введение

Современные геополитические трансформации актуализируют проблему социокультурной безопасности – способности общества сохранять идентичность, ценности, доверие и солидарность перед вызовами. Наиболее уязвимы приграничные регионы (Белгородская, Курская области) и реинтегрируемые территории (ДНР, ЛНР). Здесь культурные проекты рассматриваются как инструмент укрепления безопасности, однако их эффективность зависит от социально-технологического обеспечения.

Цель статьи – проанализировать роль социально-технологического обеспечения культурных проектов в укреплении социокультурной безопасности приграничных и реинтегрируемых регионов, выявить диспропорции и предложить пути их преодоления.

Обзор литературы

В настоящем исследовании социокультурная безопасность понимается как интегративное понятие, объединяющее два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, это «состояние защищённости,

сохранения и развития социокультурных идентичностей, ценностей и норм, значимых для социальных групп и государства в целом» [Проект фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного РФФ № 24-78-10117 «Консолидационный потенциал ценностей жителей территориальных социумов в преодолении рисков социокультурной безопасности России», руководитель проекта Маркова Ю.С.].

Бабинцев В.П. и соавторы на материалах Белгородской области показали, что в приграничье ценность безопасности выходит на первый план, тогда как традиционно значимые для консолидации ценности (доверие, справедливость, ответственность) отступают на второй. При этом отмечается, что доверие растёт прежде всего к ближнему окружению – соседям, друзьям, коллегам. Эти данные позволяют говорить о том, что социокультурная безопасность приграничного региона – это не только отсутствие угроз, но и способность сообщества к самоорганизации на основе горизонтальных связей [1].

На основе данных положений можно сформулировать интегративное определение социокультурной безопасности, под которой мы будем понимать состояние защищённости, сохранения и развития социокультурных идентичностей, ценностей и норм, значимых для социальных групп и государства в целом, которое в условиях приграничных и реинтегрируемых регионов дополняется способностью местного сообщества к самоорганизации на основе горизонтальных связей. Аналогичный вывод, хотя и в иной терминологии, делают А.Е. Кузнецов и И.В. Кетов, которые определяют социокультурную безопасность как обозначение «интересов и практик, характерных для экологии и культуры локальных сообществ», в противовес навязываемым извне стандартам административного контроля [4].

Ключевым инструментом укрепления социокультурной безопасности выступают культурные проекты. Как отмечает М.Ю. Бундин, в целом культуре как системе присуща именно такая функция – «гармонизация общественной жизни и обеспечение социальной целостности» [2]. Однако влияние культурных проектов не является прямым – оно опосредуется социально-технологическим обеспечением.

Теоретическую базу составили работы классиков теории социальных технологий – В.Н. Иванова, Л.Я. Дятченко, Н.С. Данакина, В.И. Патрушева, Ж.Т. Тощенко и др. Опираясь на их идеи, мы определяем социально-технологическое обеспечение культурного

проекта как комплексную систему, включающую четыре группы параметров:

1. Организационно-управленческие – структура управления, распределение ролей, опыт команды.
2. Коммуникационные – каналы взаимодействия с аудиторией, SMM, медиа.
3. Технологические – цифровые инструменты, дистрибуция, инновации.
4. Ресурсные – финансирование, софинансирование, кадры, партнёры.

В настоящем эмпирическом исследовании, исходя из доступных открытых данных ПФКИ, мы количественно анализируем ресурсные параметры (объём грантов) и косвенные индикаторы организационно-управленческих параметров (количество поданных и поддержанных заявок, доля успешности). Коммуникационные и технологические параметры будут проанализированы в дальнейших исследованиях.

Эмпирическую базу составили:

- данные о распределении грантов ПФКИ по итогам Первого конкурса 2024 (3,9 млрд руб., 883 проекта);
- данные о Втором конкурсе 2024 (5,67 млрд руб., 1189 проектов);
- анализ выборки из 387 московских проектов-победителей (сумма запрашиваемых грантов – около 5,03 млрд руб.);
- данные по проектной активности Белгородской, Курской областей, ДНР, ЛНР, опубликованные фондом и в СМИ.

Выбор регионов обусловлен их репрезентативностью для разных моделей проектной активности. Основные методы – вторичный статистический анализ и сравнительная оценка параметров социально-технологического обеспечения.

Результаты

По итогам 2024 года Москва аккумулировала около 52,6% всех запрашиваемых грантов (≈5,03 млрд руб. из 9,57 млрд руб.)¹. Это свидетельствует о централизации ресурсного параметра социально-технологического обеспечения – объёма финансирования.

Таблица 1 – Количество и сумма поддержки проектов из г. Москвы в 2024 году

1 <https://vz.ru/news/2024/12/23/1305164.html>

Конкурс	Количество проектов	Сумма (руб.)
Первый конкурс 2024	165	2 133 073 206,93
Второй конкурс 2024	222	2 896 626 478,34
Всего	387	5 029 699 685,27

Данные о московских проектах свидетельствуют о высоком уровне организационно-управленческого потенциала. Это подтверждается лидирующими позициями Москвы по объему грантов, что говорит о наличии профессиональных команд с опытом подготовки качественных заявок, соответствующих строгим критериям отбора. Совокупность этих параметров обеспечивает московским заявителям устойчивое конкурентное преимущество.

Таблица 2 – Количество и сумма поддержки (млн руб.) проектов приграничных (Белгородская и Курская обл.) и реинтегрируемых регионах (ДНР и ЛНР) в 2024 году

Конкурс	Белгородская область		Курская область		ДНР		ЛНР	
	Кол-во	Сумма	Кол-во	Сумма	Кол-во	Сумма	Кол-во	Сумма
Первый конкурс 2024	35	15,9	16	25,9	6	5,7	1	7,4
Второй конкурс 2024	47	22,8	20	36,1	19	62,4	6	13,1
Итого	82	38,6	36	62,1	25	68,1	7	20,5

Обращает на себя внимание не только разница в структуре финансирования в регионах. При значительно большем количестве победителей (82 против 36) общая сумма грантов Белгородской области (38,6 млн руб.) почти вдвое уступает Курской (62,1 млн руб.). Средний размер гранта на один проект в Курской области ($\approx 1,72$ млн руб.) более чем в 3,5 раза превышает аналогичный показатель Белгородской области ($\approx 0,47$ млн руб.). Это свидетельствует о разных моделях проектной активности: в Белгородской области преобладают

малые, локальные инициативы, охватывающие широкую географию (что соответствует экстенсивной модели), тогда как в Курской области – менее многочисленные, но более капиталоемкие проекты, часто связанные с крупными фестивалями, литературными форумами и культурными центрами. Различия в среднем размере гранта могут также объясняться разной способностью заявителей к софинансированию и разными приоритетами в тематике проектов.

Эффективность организационно-управленческих параметров социально-технологического обеспечения может быть операционализирована через долю поддержанных заявок (отношение числа побед к числу поданных заявок). Этот показатель, хотя и не является прямым измерением управленческих компетенций, служит важным индикатором качества проектной деятельности: более высокая доля поддержки, при прочих равных, свидетельствует о лучшей проработке заявок, что в свою очередь отражает уровень проектной культуры и управленческого опыта заявителей. Однако при интерпретации необходимо учитывать возможное влияние приоритетной поддержки отдельных регионов (особенно реинтегрируемых территорий), а также статистическую погрешность при малом числе поданных заявок. Как показано в Таблице 3, Белгородская область демонстрирует низкую успешность (7,9% против среднероссийских 11-12%), что говорит об экстенсивной модели проектной активности: много заявок – низкое качество подготовки. Курская область близка к среднему (12,0%). ДНР и ЛНР показывают высокую успешность (24,8% и 33,3% соответственно), что может объясняться как приоритетной поддержкой фонда, так и высокой мотивацией заявителей.

Важным индикатором организационно-управленческого параметра социально-технологического обеспечения является территориальное распределение проектной активности. Анализ географического распределения проектов в 2025 году выявил принципиальные различия между регионами. Белгородская область демонстрирует децентрализованную модель: 88% муниципалитетов (22 из 25) имеют поддержанные проекты, что свидетельствует о высокой институциональной зрелости и равномерном распределении проектных компетенций. В Курской и Воронежской областях, напротив, проекты сконцентрированы в областных центрах (85% и 75% соответственно), что указывает на слабое развитие проектной культуры на местах. ДНР и ЛНР, при сопоставимом общем количестве проектов (15 и 12), пока также демонстрируют точечный охват – только крупные города, муниципальные районы практически не

задействованы. Такая концентрация проектной активности несёт риски для социокультурной безопасности периферийных территорий, лишённых ресурсов для культурного развития и укрепления локальной идентичности.

Таблица 3 – Успешность заявок как индикатор организационно-управленческих параметров СТО (2024 г.)

Регион	Всего неподдержанных заявок	Всего поддержанных заявок	Всего заявок	% поддержанных заявок по итогам 2024 года
Белгородская область	952	82	1034	7,9%
Курская область	264	36	300	12,0%
ДНР	76	25	101	24,8%
ЛНР	14	7	21	33,3%

Наряду с внутренней региональной диспропорцией, существует и межрегиональная: как было показано выше, Москва аккумулирует более половины всех грантовых средств ($\approx 52,6\%$). Высокий уровень социально-технологического обеспечения московских заявителей может создавать ситуацию, когда региональные заявки, даже более точно соответствующие локальным потребностям, оказываются менее конкурентоспособными.

Для разрыва этой двойной диспропорции (внутрирегиональной и межрегиональной) предлагаются следующие корректирующие меры:

1. Целевая поддержка региональных проектных офисов – обучение, постпроектное сопровождение.
2. Квоты или повышающие коэффициенты для заявок из приграничных и реинтегрируемых регионов.
3. Требование трансфера компетенций – для московских проектов, реализуемых в регионах.

Выводы

Социально-технологическое обеспечение культурных проектов является значимым фактором, влияющим на их способность укреплять социокультурную безопасность. Однако сложившаяся концентрация ресурсных и управленческих компетенций в Москве ведёт к закреплению зависимой модели развития в приграничных и

реинтегрируемых регионах. Для превращения культурных проектов в действенный инструмент долгосрочной безопасности необходимо дополнить конкурсные механизмы политикой выравнивания и обязательным трансфером компетенций.

Литература

1. *Бабинцев В. П., Ельникова Г. А., Хрипкова Д. В., Хрипков К. А.* Ценностные основания консолидации городского сообщества в приграничных регионах России // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 6. С. 97–101.

2. *Бундин Ю. И.* Экономическая политика и культура: поиск взаимности // Развитие и безопасность. 2019. №1. С. 92-104.

3. *Дятченко Л. Я.* Социально-технологическая культура как универсальное основание эффективной общественной практики в XXI столетии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2007. № 2 (33). Вып. 1. С. 3–9.

4. *Кузнецов А. Е., Кетов И. В.* Концептуализация понятия «социокультурная безопасность» средствами grounded theory Б. Глейзера // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 1. С. 60-80 DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2026.17.1.4>. EDN: PUVANE

5. *Маркова Ю. С., Плотникова Е. Б., Соловьёв С. С.* Систематическая визуализация индексов ценностной консолидации жителей регионов России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2025. Том 11. № 2 (42). С. 19–41. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2025-11-2-19-41>

6. *Тощенко Ж. Т.* Социология управления. Учебник. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2011. 300 с.

7. Данные Президентского фонда культурных инициатив (ПФКИ) об итогах конкурсов 2024 года. URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф> (дата обращения: 20.05.2026).